

Что случилось с тетей Марусей, мы точно не знали. То ли последствия инсульта, то ли прогрессирующая деменция – мы воспринимали болезнь соседки как данность. Она просто казалась нам, двенадцатилетним, очень старой, а сейчас пытаюсь прикинуть: сколько ей было? Семьдесят – семьдесят пять? Едва ли больше.

Мы с М. проводили на даче все каникулы. Маленький поселок в черте Москвы, начисто лишенный примет городской жизни, с одной стороны ограниченный лесом, с другой – полем и железной дорогой, за которую местные ходили только иногда – в «большой» магазин. Остров, маленькая Внутренняя Монголия, где все не просто знакомо между собой, но знают друг про друга все на несколько поколений назад. Приезжая сюда, я тотчас становилась «правнучкой Петра Михайловича», хотя прадеда живым не застала.

Тетя Маруся жила одна. Про мужа ее мы ничего никогда не слышали, на нашей памяти не только его самого, но и разговоров о нем не было. Сыновья-близнецы давно уже обзавелись своими семьями, а потом и следующими, один из них жил чуть ближе и приезжал чуть чаще, привозил стандартный набор продуктов: яйца, молоко, чай, крупы, хлеб, замороженные брикеты фарша – и снова исчезал на неделю или две. А она вставала с кровати и медленно, нерешительно, словно в самой возможности каждого

шага приходилось сомневаться, шла на крыльцо. Еще в прошлом году она так же неспешно ходила по поселку – из магазина или по каким-то иным делам, а в этом уже не покидала пределов дома.

– Саааааш! – звала она их обоих именем одного. – Саааааш! – Протяжно и монотонно.

Это был не плач даже, а что-то сродни камланию, лишенное всякого практического смысла сакральное действие, ритуал, который нельзя было не совершать. Иногда она просыпалась ночью – и все повторялось. Тогда ее голос сливался с пением цикад, и на него неохотно и коротко отзывались сквозь сон местные собаки. Соседи иногда навещали ее, но в коммуникацию она почти не вступала, а худобно обслуживать себя могла – убедившись в этом, гость, как правило, не слишком спешил заглянуть к тете Марусе снова.

Однажды утром она кричала особенно долго: поймала ноту и на каждом выдохе тянула ее: «Саааааш!»

Мы с М. сидим на ветках дикой груши – верхних, но достаточно крепких для того, чтобы нас выдержать. Большая часть наших игр той поры заключалась в рассказывании друг другу историй – реальных и вымышленных – и ведении гипотетических диалогов: мы помогали случиться разговорам, которым случиться не удалось, строили окружающий мир из себя самих, создавали дополненную нашим сознанием реальность. Мы жили в мире слов – дей-

ствия выполняли по отношению к ним вспомога-
тельную функцию.

– Саааааш!

М. обрывает вокруг себя совсем еще маленькие
дички и пытается перебросить через соседский
забор.

– Что-то долго сегодня.

– Наверное, не приезжал давно. А может... схо-
дим? – Я произношу это и сама себе удивляюсь.
Мы никогда не заходили не только в дом, но даже
во двор тети Маруси.

– Туда?

– Ну, убежим, если что.

– Давай. Вдруг помощь нужна – позовем кого-ни-
будь.

Подбадривая друг друга глупым хихиканьем, мы
осторожно пробираемся через заросший сад к дому.
Тетя Маруся стоит на крыльце в халате, накинутом
на длинную мятую сорочку, зовет сына и смотрит на
нас с легким недоумением, во взгляде ее читается:
«как же это вы пришли, когда вы – не он?».

– Теть Марусь, вам помощь нужна? – быстро выпал-
ивает М., и я удивляюсь, каким высоким вдруг
стал ее голос.

Она нас явно узнала, но зачем мы здесь, понять
не может, просто стоит на крыльце и не сводит
с нас глаз. А мы наперебой задаем вопросы и пред-
лагаем помощь, словно стоит нам замолчать – и от
решимости нашей не останется и следа, и тогда
придется уходить. Уходить почему-то так же страш-
но, как оставаться.

– Лечь хочу. Лечь.

– Проводить вас?

– Да.

Окна во всех комнатах закрыты, в доме пахнет
сыростью и плесенью. Я оставляю дверь открытой,
но воздух дома и воздух улицы, как жидкости раз-
ной плотности, не перемешиваются. Дом выглядит
так, как будто жившие в нем люди несколько ме-
сяцев назад в спешке бежали, побросав ненужную
больше утварь и одежду в случайных местах, забыв
на столе, подоконниках и полу остатки какой-то
с трудом уже опознаваемой еды. Замечаю, что все
поверхности в доме находятся в странном движении,
и едва не теряю сознание. Воплощенный мой ночной
кошмар – сотни, сотни тараканов не разбегаются
даже среди бела дня в присутствии людей, а просто
продолжают движение по ведомым только им траек-
ториям. Вереницами ходят по столу и плите, тонут
в раковине, вмерзают в стенки морозильной камеры.
– Бежать. Бежать. – С каждым шагом в недра дома
голос во мне вопит все громче, но теми же тем-

пами парадоксально крепнет уверенность, что
никуда мы отсюда не уйдем. Точка невозврата
пройдена – когда? Почему? Что изменилось за
эти минуты? Куда вы торопитесь? – вы уже здесь.

Тетя Маруся тяжело ложится на продавленную
кровать и неотрывно следит за нами, словно опасаясь,
что мы в любую секунду не уйдем даже, а просто
исчезнем, дематериализуемся. Мы остаемся. И по-
том приходим каждый день до конца долгих летних
каникул: готовим что-то простое, разговариваем
не столько с тетей Марусей, сколько просто при
ней, убираем, ведем борьбу с непобедимой армией
новокрытых и выбрасываем, выбрасываем, выбрасы-
ваем. Особенно не разбираясь, движимые не целью
даже – инстинктом – расчистить пространство для
жизни, победить хаос, стереть из памяти то, что
было. Мы уже не понимаем, чем был весь этот хлам,
когда он был вещами, предметами. Молча спрашива-
ем тетю Марусю, нужно ли, и она каждый раз качает
головой. Всего этого уже нет, есть ли смысл за него
держаться? Мы с М. – орудия. Мы просто уничтожаем
то, чего давно не существует.

Каждое утро и каждый вечер тетя Маруся выходит
на крыльце и протяжно зовет уже не двоих, а четве-
рых – сыновей и нас с М. – одним именем:

– Таааааань!

И мы приходим. Каждый раз преодолевая себя,
приходим. Через пару недель дом выглядит полу-
пустым, но уже не производит ужасающего впечат-
ления. Просто дом, который уже и не помнит, когда
был домом по-настоящему.

* * *

В конце августа мы разъехались с дачи. Сосед-
ку стал навещать мой дедушка, живший в поселке
круглый год, и к концу сентября с тети-Марусиного
крыльца раздавался уже крик: «Слааав!»

Потом ударили первые ночные заморозки. Бле-
стящая от инея трава по утрам хрустко надла-
мывалась под ногами. Цикады замолчали. Собаки
старались не выходить без надобности из домов
и будок – берегли тепло и силы. Воздух стянулся
с себя остатки тумана и стал совершенно прозрач-
ным. Тетя Маруся умерла. Кто-то, кого она звала
все эти годы, все-таки пришел.

* * *

Тогда ко мне постепенно вернулся страх перед
тараканами. Бессмысленный и непонятный. Не пе-
ред жуками, пауками, кем угодно другим. Что та-

ракан может сделать человеку? Он неприятен, противен, но не страшен. Но перед иррациональным ужасом рации пасует, сдается сразу, не желая слышать объяснений.

Люди странно устроены: все эти наши совершенно невообразимые фобии – откуда, зачем? Хронофобы боятся времени: опоздать, не успеть, не смочь исправить ошибки. Символы и приметы времени, часы, смена дня и ночи и времен года, календари – все это внушает им опасение и тревогу. Есть люди, которые боятся жевательной резинки, ванны, дырочек в губке, косточек от авокадо, танцев, зеркал. Нас способно напугать что угодно: даже деньги или пупки (пупки, ну кто бы мог подумать: кого, казалось бы, способен напугать собственный пупок?). В то время как трихофобы опасаются волос, пеладофобы – лысых людей. И ведь они как-то сосуществуют на этой планете, ездят вместе в метро, стоят в очереди в супермаркете. На планете, где есть еще, например, софофобия – страх перед получением знаний. Потому что многие знания умножают скорбь и открывают ящик Пандоры перед новыми и новыми потенциальными фобиями. Или – вишенка на торте – страх перед чувством страха. Фобофобия – королева боязней, змея, кусающая себя за хвост. Сёрен Кьеркегор писал о двойственной природе страха: мы одновременно боимся заложенной в страхе возможности и стремимся к ней как к запретному. Иррационально. В каждом из нас затаился маленький ребенок, который отвернулся к стене и притворяется спящим, а сам в отражении телеэкрана на полированной спинке софы затаив дыхание смотрит «Кошмар на улице Вязов».

Заглянуть в бездну внутри себя. Безуспешно попытаться управлять хаосом. Бояться – но покупать авокадо, танцевать, смотреть в зеркало и идти в дом с тараканами. Ради чего-то. Снова и снова.

